

ПРАВОСЛАВИЕ И ЦЕРКОВЬ

Н. М. Рогожин

ДИАЛОГ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ В ДИПЛОМАТИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В 1999 году исполнилось 450 лет Посольскому приказу. Знаменательная дата представляет собой фактическое летоисчисление российской дипломатической службы. Сегодня, когда мы осознаем двухтысячный юбилей христианства, уместно обратиться к истории взаимоотношений различных вероисповеданий в работе Посольского приказа XVI—XVII в.

Христианизированные Византией народы становились как бы в положение духовных детей, которых должен был наставлять пастырь. В свою очередь известно, что дипломатические традиции Римской империи сохранялись в отношениях Византии с другими народами. Международные договоры греков вводили отношения между государствами в унаследованное правовое русло Империи. Тем самым Византия распространяла свое влияние на взаимоотношения с «варварскими государствами». Принципы и методы византийской дипломатии включали в себя установление международных договорных отношений, препятствие неожиданным набегам и разорениям городов, оказание военного давления и благоприятствие в торговле. В договоре 944 г. Руси с Грецией, который был подписан после предварительных переговоров на Руси, указано: «...что написано в этой хартии, будет соблюдаться Игорем... и всеми людьми русской страны отныне и **навек**»¹. Выражение «навек» сопоставимо с заключительной формулой византийских актов, которые утверждали постановления «во веки веков».

В первом дошедшем до нас авторском произведении древнерусской литературы «Слове о Законе и Благодати» (1051—1054) Иллариона Киевского проповедь христианства и крещения также неотделимы от «**жизни вечной**»².

Таким образом, боговдохновенные понятия христианской веры и вечной жизни стали символами прочности и надёжности и в таком качестве вошли как в русское богословие, так и дипломатическую терминологию. В Новгородской первой летописи под 1323 годом мы читаем: «Приехавше послы великы отъ свѣиского короля и докончаша миръ **вѣчныи** съ княземъ и с Новымъгородомъ...»³.

В межкняжеских отношениях периода феодальной раздробленности XIII—XV в. на Руси дипломатические поручения нередко возлагались на авторитетных церковных деятелей. Известный пример — посольство Сергия Радонежского от Дмитрия Донского к Олегу Рязанскому. Но в XVI—XVII в.

¹ См.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 54.

² Иларион. Слово о законе и благодати. М., 1994.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 320.

духовные особы включались в состав русских дипломатических миссий лишь на правах сопровождавших эти миссии священников. Эта перемена отражала общеевропейские веяния.

В процессе оформления государственного аппарата Российского царства в целом и Посольского приказа в частности, сказывалось освоение правовых и религиозных традиций не только древнерусских княжеств и наследия Византийской империи, но и дипломатических норм Польско-Литовского государства, татарских ханств, общение с государствами Запада и Востока.

Однако прежде, чем говорить о том, как в Посольском приказе решались проблемы различных вероисповеданий, следует обратиться к самосознанию русского средневекового человека. А. Л. Юрганов в монографии «Категории русской средневековой культуры» очень убедительно показал, что основой и особенностью мира мыслительной деятельности и нравственных переживаний того времени были такие фундаментальные понятия, как «вера христианская» и «правда». Идея Страшного суда пронизывала сознание и все сферы бытия каждого человека. Государство в этом случае было главным средством коллективного спасения. Поэтому верой и правдой надо служить тому, кто «прирождён» быть государём, ибо государь исполняет волю Бога на земле и отвечает перед Судьёй за неисполнение его «подвластными» заповедей Божьих⁴. Измена православной вере-правде приравнивалась измене государственной, то есть царю, и соответственно являлось богоотступничеством. В этом отношении показательное объяснение И. С. Пересветовым причин падения царств. По его мнению, главная причина падения Византии в том, что греки «правду потеряли», а потеряв её, стали хвалить «благоверного русского царя». В одном из главных сочинений Пересветова «Сказании о Магмет-салтане» воображаемый спор между греками и «латыняными» заканчивается поразительным по глубине заявлением католиков: «Если к той истинной вере христианской да правда турецкая, ино бы с ними ангелы беседовали». На что греки возразили: «А естли бы к той правде турецкой да вера христианская, ино бы с ними ангелы беседовали»⁵. Согласно аргументации А. Л. Юрганова, с которой нельзя не согласиться, помимо прочего, в этой перемене мест слагаемых и заключается суть объекта средневекового знания и веры⁶.

В XVI в. богословы объясняли отношения между Богом-отцом и Богом-сыном, Иисусом Христом, с помощью метафоры: «Луч, исходящий от солнца, несущий в себе его субстанцию, горящий и не иссякающий». Так же трактовали в Посольском приказе связь, существовавшую между государем и его послом. В 1517 г. бояре на переговорах в Москве говорили С. Герберштейну, что «всяк посланник государя своего лице образ носит». Однако степень отождествления монарха и его представителя зависела от важности посольства. Уже в начале XVI века в России существовала четкая градация дипломатических представителей: послы, посланники, гонцы. Но при всех случаях, будучи заместителем государя, дипломат как бы становился им самим при произнесении «речей».

Когда российский дипломат XVII в. Аф. Лавр. Ордин-Нащокин называл Посольский приказ «Оком всей великой России», он подразумевал евангельское изречение: «Свительник тела есть око, и так, если око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло» (Лук. 11, 34). Сравнение государя с «оком державы» характерно и для древнерусской публицистики. Иными словами, если монарх не знает действительного положения вещей («око темно»), если ему ложно истолковали политическую обстановку, то это может привести к непоправимым последствиям для всего государства («тела»), ибо государь — «око своей державы»⁷. Таким образом, слова руководителя внешнеполитического ведомства — не просто метафоры, а своеобразная программная декларация, в которой сформулировано единство христианской веры, российского самодержавия и высокая роль Посольского приказа в государственной жизни России. И хотя в XVI—XVII в. в России православная идеология ставилась выше католической, про-

⁴ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 439.

⁵ Там же. С. 34—35.

⁶ Там же. С. 107.

⁷ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведётся...». М., 1988. С. 110—111.

тестантской и, тем более, мусульманской, среди служащих Посольского приказа были представители многих национальностей, конфессий и вероисповеданий.

Юридический статус Посольского приказа, правовые нормы дипломатического этикета неразрывно связаны с идеологией официальной Церкви, которая принесла и утверждала в России идею богоустановленности и почитаемости власти. В свою очередь, власть была ответственна не только перед людьми, но и перед Богом. Присяга, к которой приводились как высшие, так и низшие служащие Посольского приказа, дипломатический церемониал выражали определенные политические и религиозные идеи. В составе служащих приказа были представители многих национальностей: татары, греки, поляки, шведы, лифляндцы, итальянцы и т. д., которые чаще всего выполняли обязанности переводчиков. Некоторые из них крестились повторно в православную веру. Присягу принимали в присутствии подьячего Посольского приказа, заведовавшего его личным составом, все — независимо от их вероисповедания: как православные, так и протестанты, и католики, и магометане. Католики и протестанты присягали в присутствии живших в Москве в Немецкой слободе ксендзов и пасторов, «к шерти» или «вере на Коране» татар приводили татарские же толмачи и переводчики. В XVII в. в Москве религиозные обряды совершались в храмах практически всех христианских конфессий, помимо католического храма действовали лютеранская и кальвинистская церкви. Но если по каким-либо причинам не было ксендза или пастора, то иностранные служащие христианских стран присягали («верились») в Посольском приказе перед образом Распятия Христа, проговаривая крестоприводную запись, а затем целовали образ. Текст присяги обязывал переводить только правду, не разглашать государственных секретов и преданно служить московскому государю и его приближенным⁸.

В числе расходов (бюджете) Посольского приказа встречаются записи на покупку ладана для каждения по великим праздникам, а также в воскресные дни и во время приемов иностранных послов. Поскольку Посольский приказ находился на территории Московского Кремля, то духовенство кремлевских церквей совершало регулярные молебны в его палатах; статья на эти расходы также была постоянной для внешнеполитического ведомства⁹. В 70—х годах XVII столетия для Посольского приказа было построено новое здание против алтаря Архангельского собора Московского Кремля. По случаю нового помещения царь Федор пожаловал в Посольский приказ иконы Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и Иоанна Предтечи, которые раньше были в кабинете царя Алексея Михайловича¹⁰.

Сегодня трудно определить соотношение византийских, восточных и западноевропейских влияний в работе и идеологии Посольского приказа. Московские государи скорее были носителями европейского посольского обряда при дворах восточных, чем последователями посольского обряда последних. Упоминание происхождения князя Рюрика от рода римского императора Октавиана Августа впервые мы встречаем в послании Спиридона-Саввы (до 1523 г.)¹¹, затем в «Сказании о князьях владимирских» (1526—1527 г.)¹². В летописных текстах конца 20—х годов XVI в. о начале русской земли и происхождении русских князей о Рюрике говорится, что «от роду он Августа императора римского»¹³. Вскоре имя императора Августа появляется и в дипломатической практике. Когда Империя предложила Ивану III выдавать своих дочерей за немецких корфюрстов и маркграфов, то получила решительный отказ, ибо московский великий князь «многим землям государь великий», предки которого были «в приятельстве и любви с прежними римскими царями, которые Рим отдали Папе, а сами царствовали в Византии... так как же такому великому государю выдать свою дочь за маркграфа?». В XVI в. большинство

⁸ Там же. С. 56—57.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 62

¹¹ Идея Рима в Москве. XV—XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Рим, 1989. С. 14.

¹² Там же. С. 25.

¹³ Там же. С. 49.

верительных грамот, отправляемых к европейским правителям, содержали родословную московских государей, которая возводилась непосредственно к «императору Августу». Так, в наказе царя Ивана IV послу боярину И. М. Воронцову к польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду II Августу говорится: «государство наше Русское от начала особо содержится нами, вечными государи русскими, начиная от Августа, императора римского, и до Рюрика» (май 1556 г.)¹⁴.

Несомненно, что русские дипломаты были знакомы с иерархией католических государей, которую устанавливали специальные папские буллы. Во всяком случае, в XVI в. на Руси была известна переводная статья под названием «Европейской страны короли», где в порядке старшинства перечислялись монархи Западной Европы. Император Священной Римской империи («Цесарь») занимал в этом списке первое место¹⁵. Соответственно, царь Иван Грозный считал себя продолжателем древней династии, восходящей к римским и византийским «цесарям». Он настаивал на превосходстве наследственного монарха над монархом выборным и говорил, что является государем «по Божью изволению», а польский король Стефан Баторий — «по многоятежному человеческому хотению». Поэтому русский государь призван «владеть людьми», а польский — всего лишь «устраивать их»¹⁶.

В средневековом межгосударственном праве государство не только персонифицировалось в его главе, а воплощалось в государе, при этом связь между монархом, народом и страной утверждалась по Божьему изволению «свыше». Известны слова короля Людовика XIV: «Государство — это я». Русский публицист и религиозный деятель Иосиф Волоцкий в конце XV—начале XVI в., развивая эту мысль, писал, что за государственное прегрешение «Бог всю землю казнит», т. е. наказывает подданных согрешившего монарха. В 1594 г. думный посольский дьяк А. Я. Щелкалов говорил императорскому посланнику Н. Варкочу: «И твой, и мой государи во славу христианства начали пахоту, а я и ты — мы — пахари»¹⁷.

Рассмотрим, как религиозные мотивы отражались в посольской документации: грамотах, наказах послам и отчетах дипломатов — «статейных списках».

Верительные грамоты главам государства удостоверяли личность посла и содержали титул от правителя с указанием территорий, ему принадлежащих. Однако в грамотах, которые посылались духовным лицам, обязательно добавлялась фраза «Божией помощью царь» (например, в грамоте Василия III магистру Тевтонского ордена в Пруссии Альбрехту (1518—1519 г.)).

Когда во второй половине XVI в. создавалась «Священная лига» для борьбы против Османской империи, в грамотах Ивана IV к императору Рудольфу II и к Римскому Папе читаем: «чтоб меж нас с тобою, пастырем и учителем Римские церкви... любовь утвердилась... и христианство в тишине и покое было, и высвобождено из рук мусульманских, и вперед бы мусульманская рука над христианская не высилась, и кровь христианская не разливалась»¹⁸. В 1598 г. царь Федор Иванович, обращаясь к английской короле Елизавете, пишет: «...чтоб всем великим государям христианским быть в любви... и стоять бы на бусурман заодин, чтоб христианская рука высила, а бусурманская рука низила»¹⁹.

В конце 1661 года австрийский посол в Москве Августин фон Майерберг объявил, что турецкое войско вторглось в императорские владения, и просил, чтоб царское величество изволил мысль свою объявить, как бы против общего христианского неприятеля-бусурмана вспоможенье учинить ратными

¹⁴ Там же. С. 51.

¹⁵ Казакова Н. А. «Европейской страны короли» // Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. М.; Л., 1964. Вып. 7. С. 420.

¹⁶ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1965. С. 213.

¹⁷ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений. М., 1864. Ч. 1. С. 268.

¹⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (Далее ПДС). СПб., 1871. Т. 10. С. 352—353.

¹⁹ Сборник Русского Императорского Исторического общества (Далее:РИО). СПб., 1883. Т. 38. С. 344—345

людьми? Думный посольский дьяк Алмаз Иванов отвечал на это: «Сами знаете, что польский король, неприятель нашего государя, с бусурманом в союзе, следовательно, цесарскому величеству надобно стараться о том, как бы польского короля от бусурманского союза оторвать и с царским величеством привести к прежней братской дружбе и любви. Когда оба эти государства будут в мире, то надежнее будет мысль против общего христианского неприятеля. Цесарскому величеству можно помирить великого государя нашего с королем польским способом внешним и духовным: внешним — войною, духовным — клятвою, потому что вера у них одна — папешская, а папа издавна имеет старание о том, чтобы все христианские государи были в совете и с бусурманами не дружились и союза не имели».²⁰

Как можно было убедиться на приведенных примерах, во всех случаях подчеркивается христианская вера российского государя, но совершенно не отмечается конфессиональная принадлежность.

Среди многочисленных предполагаемых вопросов, которые разрабатывались в Посольском приказе, а затем включались в указы русским послам, отправляемым в Рим, встречается устойчивая формула: «а нечто учнут задирать и говорить о вере: о греческой или о римской?» (1581 г.)²¹. Ответ был однозначный: в полемику не вступать и ничего про веру не говорить. Однако посол должен был рассказать о распространении христианства на новых землях России, строительстве церквей и монастырей.

В указах послам разрабатывались также нормы дипломатического этикета. Если монарх был воплощением государства, то посол, в свою очередь, воплощением монарха. Поэтому послу В. В. Тюфякину было наказано: не целовать туфлю персидского шаха, а требовать, чтобы шах почтил его, как и своих послов. Шахским вельможам Тюфякин должен был объяснить, что христианский государь дает целовать руку, а «на бусурманских государей ее кладет сам»²².

Среди отчетов русских послов уникальным в русской письменности является статейный список К. Скобельцына посольства в Австрию (1574 г.), в котором рассказывается о событиях в Шотландии, судьбе ее королевы Марии Стюарт, о взаимоотношениях между католиками и протестантами. Как мы знаем, Мария, ярая католичка, после смерти своего мужа — французского короля Франциска II — вернулась на родину и, опираясь на шотландскую и, отчасти, английскую католическую знать, заявила о своих притязаниях на английский престол, который занимала Елизавета Тюдор. Чтобы подкрепить свои претензии, Мария вышла замуж за родственника Тюдоров лорда Дарнли, который был вскоре убит. Молва обвинила Марию в связях с убийцами мужа. Против Марии восстали недовольные её политикой шотландские кальвинисты. Оказавшись в их руках, Мария вынуждена была отречься от престола в пользу своего малолетнего сына Якова, а затем бежала в Англию. Королева Елизавета заточила её в один из замков.

Не называя имен, рассказ Скобельцына лаконично передаёт основные из перечисленных событий: «А в Шкотской земле короля нет, ни королевы, королева шкотская изымана, у английской королевы сидит; а которого князя взяла себе в короля место; и с землёю, его излюбя, посадила на королевство, и того она же велела убити; а прижила с ним сына, ныне пять лет, и того ныне берегут, ждут его, каков вырастет, пригодится ли на королевстве»²³.

Следует напомнить, что история Шотландии 60—70-х годов получила широкий резонанс в Европе, поскольку к этим событиям были причастны влиятельные политические круги европейских государств. Марию Стюарт поддерживали могущественные французские герцоги Гизы, Римский Папа, испанский король Филипп II. По поводу религиозных войн во Франции Скобельцын писал, что у французского короля «с своими людьми война великая за веру», в связи с чем богатая раньше казна короля «поистощилась» и многие наёмники из других стран, служившие французскому королю, «порозъехались».

²⁰ Путешествие в Московию барона Августа Мейерберга. М., 1874. С. 65—67.

²¹ ПДС. СПб., 1851. Т. 10. С. 43.

²² Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. 1. С. 344—345.

²³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 151 об—152 об.

Не менее ценная информация о религиозных войнах во Франции содержится в статейном списке Ж. Квашнина посольства в Империю (1577—1578 г.). Квашнин впервые в русской письменности определил, к каким вероисповеданиям принадлежали противоборствующие стороны. По его словам, король был «латинской» (католической) веры, а большая часть населения (гугеноты) придерживалась «люторской веры»²⁴. Из посольских отчетов, освещающих сношения России с римскими папами, наиболее примечателен статейный список И. Шевригина посольства к папе Григорию XIII (1580—1581 годы). Посол очень четко определил раскол Европы в связи с Реформацией на два вероисповедальных лагеря, за которыми скрывалось противоборство различных социально-политических сил²⁵. Еще более подробная информация о столкновениях католиков и протестантов содержится в статейном списке Т. Васильева, побывавшего у императора и римского папы в 1582 г.²⁶ Посол Ф. Писемский, будучи в Англии (1582 г.), так объяснил причины конфликта между Англией и Римом: «Елизавета римский закон отставила и утвердила во всей земле английской люторский закон»²⁷. Русские послы все разновидности реформационного движения называли «люторскими».

Отчёты послов («статьейные списки») содержали сведения не только о политической и религиозной жизни. Церемониалу европейских дворов, приемам у высших сановников, описанию храмов и резиденций наибольшее внимание в своих отчетах уделяли Л. Новосильцев, Э. Сугорский, А. Арцыбашев, Ф. Писемский и др.²⁸ Будучи в Праге, посол в 1577 г. посетил и описал собор Св. Витта: «Да ездил Лука к костёлу цесареву смотрети, как их чин ведется. И в костёле алтарь великий, по их вере святое Вита, а приделов в костеле одиннадцать, а среди костёла четыре гробницы...»²⁹. В своём статейном списке Я. Молвянинов детально зафиксировал церемониал приема у римского папы (1582 г.). Красочно переданы путевые впечатления от Италии и Венеции в отчете И. Шевригина. В Риме он побывал в костелах Петра и Павла, Иоанна Предтечи, нескольких монастырях и рассказал о них с точки зрения религиозного мировоззрения православного человека. Подробно изложены впечатления русских послов от пребывания в Италии в статейном списке И. И. Чемоданова (1656 г.)³⁰.

Право посольской неприкосновенности в Средние века было законом, на страже которого стояла сама «божественная сила». «Бог карает или благословение распространяет в зависимости от того, как в той или иной стране обращаются с послами», — такую письменную гарантию давал Посольский приказ прибывшим в Россию иностранным дипломатам³¹. Членов посольской свиты, совершивших преступления в России, русские власти не наказывали сами, а требовали правосудия от правительства той страны, откуда они прибыли. Таким образом, русская дипломатическая практика подчинялась известной норме международного права — экстерриториальности посла и его свиты.

Вся обстановка, окружавшая российских дипломатов с того момента, как они пересекали границу, также была приспособлена для сохранения и выражения определенных религиозных чувств и обрядов. С посольскими миссиями посылались почитаемые иконы, иногда в драгоценных окладах — «образа древнего писания, обложены золотом и серебром, с жемчуги и з камнями». Иконы были необходимы не только для соблюдения православного молитвенного обряда, но и служили своего рода духовным щитом и защитой от иноверцев. Вот как передаётся сцена изымания пошлин с послов за провоз через границу икон в дорогих окладах в статейном списке П. И. Потёмкина посольства в Испанию и Фран-

²⁴ ПДС. Т. 1. С. 753—764.

²⁵ Там же. Т. 10. С. 25.

²⁶ Там же. Т. 1. С. 860—897.

²⁷ Путешествия Русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 100—155.

²⁸ ПДС. Т. 1. С. 664—714; 860—897, 928—959; Т. 10. С. 26—27; РИО. Т. 38. С. 43.

²⁹ ПДС. Т. 1. С. 953—954.

³⁰ ПДС. Т. 10. С. 931—1150.

³¹ РИО. СПб., 1915. Т. 137. С. 642.

цию в 1667 г.: «И тот откупщик увидел у посланников образы окладные, Спасов, да Пресвятые Богородицы, и говорил: «Не только де с вашего посольского платья и со всякой рухляди, пошлину возьмёт, и с образов, что на них оклады серебряные с камнем и з жемчуги». И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: «Враг креста Христова, как ты не утрашился так говорить...скверный пес, не токмо было тебе с тех пречистых и святых икон пошлина имать, и с посольского платья и с рухлиди никоими меры имать было не мочно, потому: посланы мы от великого государя нашего, от его царского величества, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, для великих их государских дел и для братской дружбы и любви; а купецких людей и товаров никаких с нами нет, для того и пошлин имать тебе с нас было не мочно. И видя твое безстыдство и нрав зверской, как псу гладному или волку несыту, имущу гортань восхищати от пастырей овцы, так тебе бросаем золото, как прах»»³². После столь эмоциональной речи послы сняли с икон дорогие оклады, оставили их «как прах» на таможе и сохранив образ за продолжили свой путь. Следует отметить, что наиболее важные посольства торжественно встречало и провожало московское духовенство с пением молебнов, пешком за городской посад вместе с придворными чинами, дворянами и толпами простого народа.

Особое место в документации Посольского приказа занимают записи «речей» иноземных дипломатов. Преследуя свои дипломатические цели, посланники разных стран передавали российским государям массу различных сведений о тех или иных событиях, в том числе и о противоречиях на религиозной почве в Европе. Например, гонец Максимилиана II Магнус Паули, прибывший летом 1573 г. в Россию, поведал Ивану IV Грозному о «кручинах», которыми был охвачен император. Его рассказ связан с событиями Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.), борьбой протестантов и католиков и записан в посольской книге следующим образом: «И король (Карл IX — Н. Р.) нафарского, зятя своего, изымал и посадил в тюрьму... а людей его, всех бояр и дворян и всяких людей и з женами и з детьми тое же ночи побил и до одинова, а сказал — побил их для веры, что они не его веры, да которые и его земли и тое же веры с тем королем з нафарским, а францовской и тех побил; всего в то время побил всякого человека и со младенцы до ста тысяч. И королю и всея цысарской области и всем крестьянским государем пригоже о том болезновати и кручинитися, а с тем злодеем со францовским не знатца, кроме над ним мстить: то, чего ни в которых землях не бывало, что он учинил». Сохранился текст ответной грамоты царя Ивана IV императору Максимилиану II со словами: «А что... скорбеть о кроворазлитие, что учинилось у францовского короля в его королевстве, несколько тысяч и до сущих младенцев избито, и о том крестьянским государем пригоже скорбети, что такое безчеловечество францовский король над толиким народом учинил и кровь толикую без ума пролил»³³. Будучи солидарным с императором в оценке Варфоломеевской ночи, Иван IV тем самым препятствовал утверждению на престоле Речи Посполитой французского принца Генриха Анжуйского. В свою очередь, соглашение с императором Максимилианом II, который в качестве кандидата на польский престол предлагал своего сына Эрнста, нейтрализовало главного противника Ивана IV в Ливонской войне — Речь Посполитую.

Антонио Поссевино (1534—1611), уполномоченный Римского Папы, был отправлен в 1581 г. в Восточную Европу для переговоров о завершении Ливонской войны. Исключительно образованный иезуит, один из столпов контрреформации, он активно участвовал в системе мероприятий папской курии и иезуитского ордена, которые были предприняты во второй половине XVI в. для усиления католического влияния в России. Вопрос этот возник не только вследствие устремлений папского престола (желание возобновить крестовые походы, противостоять успехам реформации, «окатоличить» Восточную Европу), но и как результат возросшей агрессии Оттоманской Порты. А. Поссевино является автором «Московии» — трактата историко-социологического характера с элементами служебной записки, напо-

³² Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1954. С. 236—237.

³³ Лурье Я. С. Известие о Варфоломеевской ночи в русских посольских делах XVI в. // Вопросы истории, религии и атеизма. 1958. № 6. С. 224—225.

минающей посольские донесения и включающей отчет об исполнении указанной религиозной миссии («Беседы о религии»). С российской стороны в архиве Посольского приказа также сохранились документы о пребывании Поссевино в России и религиозных диспутах о вере между ним, Иваном Грозным и служащими приказа.

Документы показывают и то, что во время официальных переговоров в Москве, ради антиосманского союза, не придавали большого политического значения религиозным разногласиям в лоне христианской церкви. Интересно, что тонкий дипломат Поссевино оправдывал свою акцию тем, что Россию нужно подчинить во имя спасения её от пагубного влияния ислама. Он писал о перспективной, с его точки зрения, системе пропаганды католической веры и, соответственно, постепенного политического внедрения папской курии и её агентов в православные страны и страны, отложившиеся от папского престола вследствие победы реформации. Особое внимание он уделял пропаганде католических изданий на местных языках и основанию типографий, организации специальных школ миссионеров («Никакими пушками, никаким другим арсеналом Север и Восток не будут завоёваны быстрее»). Любопытен, в частности, в плане изучения иезуитской книжной и устной пропаганды сам перечень сочинений, рекомендуемых для распространения и для справок. Немалое значение Поссевино придавал деятельности купцов. Он не только считал необходимым привлечь их к делу пропаганды католической веры, но и неизменно обращал внимание на организацию торговли, на ассортимент товаров и на тормозящие последствия войны для развития торговли. В целом указанный комплекс является уникальным и важнейшим источником по истории отношений Папства и России последних лет правления Ивана Грозного.

Проблемы «вечности», общехристианского союза, объяснение причины падения Второго Рима вновь появляются в русской дипломатической практике позднее, в конце XVI—XVII в., и были вызваны насущными интересами внутреннего и внешнего положения России. Так, в наказе 1604 года русским посланникам в Грузию М. И. Татищеву и дьяку А. Иванову были записаны слова, которые они должны были сказать кахетинскому царю Александру: гибель Византийской империи (Второго Рима) объяснялась несогласием, рознью и междоусобицами христиан³⁴. В данном случае эти слова должны были стать дополнительным аргументом в пользу приведения христианской Грузии в подданство единоверного русского царя.

Наиболее ярко стремление русского народа опереться на прошлую традицию выразилось в годы Смутного времени начала XVII века и преодоления её последствий. За Смуту московские люди «измалодушествовались» и «поисшатались» в своих нравах и понятиях. Падение старых общественных устоев, вторжение массы иностранцев в московскую жизнь, междоусобия и связанные с ними «измены» расшатывали старое мировоззрение, поколебали прежнюю уверенность в том, что Москва есть богоизбранный город, «Третий Рим» и «новый Израиль». Необходимо было вернуть общественное сознание на старые пути древнего благочестия и национальной исключительности. Во всех мероприятиях новая династия Романовых стремилась к тому, чтобы вернуться к старому порядку, «как при прежних государях бывало»³⁵. Наиболее последовательно эта линия проводилась дипломатическим ведомством того времени — Посольским приказом, работа которого всегда строилась на принципе прецедента. Среди прочих обвинений Александру Гансевскому, командовавшему польским гарнизоном Кремля в 1610—11 годах, было заявлено: «а старых дьяков, которые бывали при прежних царех, всех ты отженул прочь, а иным ничего делать не велел»³⁶. Преодоление Смуты мыслилось в Посольском приказе как возвращение к прежним освящённым вечностью порядкам. Так, в 1614 г. из Посольского приказа в город Шацк была отправлена грамота, в которой московские дьяки отчитывали местных воевод: «Да вы ж к нам пишете о посольских делах, а отписки отдавать велите в Розряде. И так делают молодые люди, которым наши дела не в обы-

³⁴ РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 86.

³⁵ Платонов С. Ф. Москва и Запад в XV—XVII веках. М., 1999. С. 63.

³⁶ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 30. Л. 187—187 об.

чай, а вам ведати то мочно, что приказы наши все устроены по-прежнему, и о посольских делах пишут в Посольский приказ, а в Розряд пишут о ратных делах»³⁷. Возвращавшемуся в том же году из Дании послу князю И. М. Барятинскому из Посольского приказа было прислано язвительное замечание по поводу его задержек в пути: «И вы то делаете не радея о нашем и земском деле и не имея в себе от нас, великого государя, боязни, чего при прежних государех некоторые послы и посланники так не дельвали, что вы ныне делаете»³⁸. К прежним обычаям апеллировали и при восстановлении структуры штата Посольского приказа, значительно изменившегося в годы Смуты: «А преж сего при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси и при царе Борисе было в Посольском приказе для турские, и крымские, и нагайские, и иных в мусульманские государства посылок служилых татар станичных голов человек по десяти, а в иное время и больше»³⁹.

При организации русских посольств за границу, а особенно при приёмах иностранных дипломатов, Посольский приказ в Смутное время продолжал также опираться на устоявшиеся традиции — «посольский обычай». В 1607 г., когда в Москву ехали польские послы, дорогобужскому воеводе приказали, чтобы у него «по улицам и за посадом, куды ехати посланником, было людно и устроено, чтоб посадские и всякие люди, которые в Дорогобуже есть, гуляли в чистом платье по прежнему обычаю, как преж сего при послех и при посланниках бывало»⁴⁰. В конце 1614 г. английского посла Дж. Мерика было велено встречать «за Сретенскими вороты, выехав за ров... где и прежних аглинских послов встречивали»⁴¹.

Кроме того, понятие «вечность» в Посольском приказе могли использовать и для обозначения длительного, но обозримого прошлого. Русские посланники в Империю С. М. Ушаков и дьяк С. Заборовский в 1614 г. в соответствии с составленным в Посольском приказе наказом говорили: «И с нынешним Ахмет — салтаном царскому величеству ссылки не чаяти, потому что турки **искони** враги креста Христова, и турецкий салтан христианским государем всем недруг **исконивечной**»⁴². В этом случае понятие «вечность» отражало долгое противостояние христиан и мусульман. Это же понятие было использовано в 1614 г. русским посланником князем Г. К. Волконским и дьяком П. Евдокимовым в Крыму для обоснования прав русского царя на обладание Астраханью: «великого государя нашего **исконивечная** отчина Асторохань»⁴³.

В 1613—1616 годы правительство первых Романовых отправило в разные страны серию посольств (Польшу, ногайским татарам, Империю, Турцию, константинопольскому патриарху, Англию, Данию, Крым и Персию) с целью известить глав государств об окончании «Смуты», её причинах и с просьбой о военной и денежной помощи⁴⁴. В наказах послам было указано, что «турки искони враги креста Христова и турецкий салтан всем государям христианским искони **вечный** недруг»⁴⁵. Турецкий султан захватил Греческое царство «за грехи всего христьянства». В обоих случаях падение Второго Рима объяснялось несогласием христиан и нарушением заповеди братской любви. В грамоте на Вологду от 3 октября 1614 г., где находился английский посол Дж. Мерик, причины кризиса и упадка Московского государства — «Третьего Рима» — объясняются следующим образом: «в прежние времена, каково было славно, и велико, и пространно, и всем изобильно Московское государство, а ныне за грехи всего хри-

³⁷ Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5.

³⁸ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3. Л. 236—237.

³⁹ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1 (1613—1617 г.). Л. 288.

⁴⁰ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

⁴¹ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 22.

⁴² Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1 (1613 г.). Л. 80—81.

⁴³ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1614 г.). Л. 205.

⁴⁴ Рогожин Н. М. Посольские книги начала XVII в. и архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. М., 1981. С. 100.

⁴⁵ Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. Т. 2. С. 974—975.

стьянства... в Московском государстве везде запустошенъ»⁴⁶. Очевидно, что причины Смуты в данном случае аналогичны объяснению падения Второго Рима. Вечность мыслилась в это время на Руси неотрывно от общехристианского союза против мусульман, христианских заповедей и их исполнения. Понятие «вечности» использовалось в Посольском приказе и в других значениях. Так, посланники Б. Годунова в Грузию должны были добиться от грузин присяги, «что им в государеве жалованье под их царского величества рукою быть **ввек**»⁴⁷. Русские посланники в Англию в 1617 г. С. Волинский и М. Поздеев сообщили королю Иакову I, что русские и шведские дипломаты «учинили... меж великого государя нашего, его царского величества, и меж свейского Адольфа короля мир и дружбу, а меж обоих государств покой и тишину **навек**»⁴⁸. В данном случае понятие «вечности» имеет направленность в будущее, оно призвано подчеркнуть твёрдость и неизблемость заключаемых договоров.

В Европе, стремясь заручиться поддержкой христианских государей, русские послы должны были говорить об отсутствии контактов русского царя с турецким султаном, с которым ссылки «и вперед не чаят»⁴⁹. Понятие «вперед», обозначавшее направленность времени в будущее, использовалось в Посольском приказе не только для декларирования неизменности внешнеполитической линии московского правительства, но и в повседневной работе дипломатического ведомства: «А как вперед при послех или при посланникех укажет государь быти у себя, государя, царю или царевичем, и им у государя быти и встречу им чинити по сему ж государеву указу»⁵⁰.

Определённое смысловое значение имело использование понятия «вечный» для обозначения важнейших международных соглашений. В грамоте в Швецию (январь 1607 г.) Тявзинский мирный договор 1595 г. определяется как «Вечный установленный мир»⁵¹. На переговорах в Столбово в 1616 г. шведские дипломаты сделали заявление, что «царь де Борис в том вечном миру заперся...». На что русские послы отвечали: «Того не бывало, чтоб царь Борис в том новом миру заперся... А послал царь Борис государя вашего с послы на съезд... того вечного миру о подкрепленье договор чинити...»⁵². Вечными называли Поляновский мир 1617 г. и «Вечный мир» 1686 г. России и Польши. В тексте мира 1686 г. постоянно повторяется и подчёркивается, что трактат «чинили о вечном мире и святом покое христианском», «чтоб все ссоры и досадительства... успокоить в вечные времена» и «впредь тому вечному миру... быти здержану и исполнену в вечные времена безо всякого нарушения»⁵³. Мир положил конец столетним раздорам славянских стран и объединил силы суверенных государств против общего неприятеля «агарян». Праздничные богослужения по случаю заключения мира, раздачи земель, пожалования деньгами и сукнами были по всей России. В Польше и Литве радостное известие о мире и союзе с Россией отмечалось стихийно, за исключением части магнатов и шляхты. Ликование было в Империи, Венеции, но особенно радостно в Молдавии и Валахии. В Стамбуле же султан «зело со всем бусурманством задрожал». Нормы религиозных воззрений распространялись и на дипломатические подарки — «поминки». Так, в 1559 г. Иван Грозный не принял у датских послов часы с еретическими, по его мнению, изображениями знаков Зодиака. Он сказал послам, что ему, как христианскому царю, нечего делать с этими «планетными знаками»⁵⁴.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 9 об.—10.

⁴⁷ Там же. Ф. 110, оп. 1. Д. 1 (1604). Л. 75.

⁴⁸ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 65. Л. 27, 37.

⁴⁹ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 75.

⁵⁰ Там же. Д. 1. (1614 г.). Л. 162—166.

⁵¹ Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 2.

⁵² Там же. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 13. Л. 296 об.—297 об.

⁵³ Сборник грамот и договоров о присоединении царств и областей к государству Российскому в XVII—XIX вв. Петербург, 1922. Ч. I. С. 154—164.

⁵⁴ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений. С. 144.

Среди посольских дьяков было немало высокообразованных людей, знавших латынь, греческий и другие языки. Были и такие, как Ф. Курицын, склонный к вольному толкованию православных догматов, или Ф. Карпов, ученик и друг жившего в Москве византийского богослова и просветителя Максима Грека.

Самым удобным и естественным для высочайшей аудиенции в Москве считали время между завтраней и обедней, что было обусловлено тем, что после приема во дворце послов могли пригласить на обед, который по русским обычаям устраивался в полдень.

В царский дворец Московского Кремля иностранные послы входили двумя путями: представители христианских государств — по лестнице «у Благовещенья» на соборную паперть и далее по переходам у Красного крыльца; мусульмане — по Средней лестнице сразу на Красное крыльцо, так как «бухарманским» дипломатам негоже было проходить соборной папертью.

Тронное возвышение русского царя находилось в Золотой палате в юго-восточном углу, так же как в Магнавре, аудиенцзале византийских императоров. Над престолом царя висела икона Богородицы, а на противоположной стене — Николая Угодника, наиболее почитаемого на Руси святого. В Золотой палате, справа от тронного места, на стене, был изображен Саваоф с державой, а слева — царевич Юасаф, беседующий с пустынником Варлаамом. Эти изображения представляли собой аллегорию двух сторон царского «чина» — устроительной власти и человеколюбивой мудрости, и служащие Посольского приказа часто использовали примеры из священной истории. Цитаты из Библии и святоотеческой житийной литературы постоянно встречаются не только в дипломатических документах, но и в записях устных переговоров. Как правило, их использовали в качестве аналогии между конкретной политической ситуацией и ее библейским архетипом⁵⁵. Тем самым доказывалась правильность той или иной политической позиции, которая основывалась на незыблемости священного миропорядка. Посольский приказ, апеллируя к высшим Божественным силам, выражал уверенность в будущей поддержке ими российского царя. Так, объясняя в 1559 г. литовским послам причины Ливонской войны, бояре говорили, что поход предпринят во исполнение божественной заповеди: «по Божию слову, всяк пастырь душу свою полагает об овцах и иных в паству привести желает, и яже не суть от двора его, да глас его слышат, и будет едино стадо и един пастырь!»⁵⁶

Вышесказанное можно подытожить словами одного из первых руководителей Посольского приказа И. М. Висковатого: «А подданным лиха ся достанет, кабы и Адамова греха»⁵⁷.

Итак, диалог вероисповеданий и культур постоянно прослеживается в деятельности Посольского приказа XVI—XVII в., нормах российского дипломатического этикета того времени, посольской документации. Среди служащих Посольского приказа были представители разных этнических культур, вероисповеданий и всех конфессий, а характерной чертой взаимоотношений была веротерпимость и взаимопонимание ради процветания Российского государства. Историческую память в данном случае более всего обобщают слова Блаженного Августина: «В главном единство, в спорном свобода и во всем любовь!».

⁵⁵ Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 86—91.

⁵⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 59. С. 580; Т. 71. С. 588

⁵⁷ «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков / Под ред. Е. В. Чистяковой. Сост. Н. М. Рогожин. М., 1989. С. 66; Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV—начала XVII вв. М., 1994. С. 12—24.

